

ОТЗЫВ
официального оппонента о диссертации на соискание ученой
степени
кандидата филологических наук Чжан Жуй
на тему: «Рассказы А.С. Грина 1900-х–1910-х годов:
типология героев, специфика поэтики)»
по специальности 5.9.1 – «Русская литература и литературы
народов Российской Федерации»

Актуальность диссертации связывается не только с назревшей необходимостью анализа и интерпретации ранних рассказов Грина, но и с тем, что вопрос о сложных взаимоотношениях *разных* художественных методов в рамках *одной* художественной системы до сих пор достаточно не прояснен. Отсюда и проистекает сверхзадача исследования: выявить, какую функцию ранние реалистические опыты выполняли в вызревании романтического метода Грина.

Эта сверхзадача диктует и особенный подход к творчеству писателя, которое понимается как сложная динамическая система, органично сочетающая в себе элементы реалистической и романтической моделей. Именно поэтому результаты диссертации интересны не только в историко-литературном, но и отчасти в теоретическом ракурсе. Проблема взаимодействия разных художественных кодов связывается с необходимостью вычленения элементов этих кодов, при этом автору необходимо не просто их зафиксировать, но и показать, как они реализуются в материале, выбрать их точки сопряжения, контрапунктного противостояния и т.д. Забегая вперед отметим, что все эти задачи в диссертации были успешно решены.

Основные понятия исследования, задающие ее исследовательскую конструкцию, – герой, пространство и способы описания героя.

Первые две главы работы посвящены проблеме героя ранних рассказов Грина. В первой главе выявляется типология героев (революционер, обыватель, солдат, романтик), во второй – описываются принципы психологизма.

В центре ранних рассказов Грина по законам романтической антропологии оказывается личность. Однако романтическая личность дается в реалистическом «обрамлении» и часто обуславливается определёнными внешними обстоятельствами.

Такой способ сочетания реализма и романтизма оказывается едва ли не универсальным, вспомним, что во многих пограничных художественных системах компоненты художественного мира распределяются именно таким образом: так, в раннем французском реализме герой романтического типа включается сложную изменяющуюся социальную действительность. Однако у Грина, как убедительно доказывает автор, вектор движения иной: писатель движется от внешнего детерминизма к внутреннему миру героя, исследуя его систему ценностей и смыслов.

Обогащение романтизма реализмом сказывается на типологии героев. В ранних рассказах Грина, в отличие от произведений «чистого» романтизма, представлены многофигурные композиции и дана развернутая система персонажей. При этом диссертантка подробно описывает каждый тип как в рамках поэтики Грина, так и в историко-литературном контексте эпохи.

Внутри системы героев, как показывает исследовательница, выстраиваются свои парадигматические соотношения, когда те или иные типы персонажей оказываются в отношениях со- и противопоставления. Так, герой-революционер, например, противопоставлен герою обывателю. Любопытно, что эта антитеза базируется не только на внешнем сюжетно-описательном уровне, но и на уровне самой конструкции характера. Исследовательница доказывает, что в этих типах по-разному проявлен фактор социального детерминизма: максимально детерминированы герои из армейской среды (что обуславливает тяготение этих героев к реалистическому полюсу), минимально – обыватели (что связывает этот тип героя с романтизмом).

Здесь возникает парадоксальная ситуация: обычное для романтизма противопоставление «обыватель – романтический герой» – снимается. Обыватель, как убедительно доказывается в работе, оказывается близким к герою романтику, ибо его мировоззренческая позиция, предполагает погружение в психологические концепции и символы.

Максимально полно психологическая концепция Грина реализована в герое романтического типа. В этом случае социальная мотивировка персонажа отодвигается на второй план, а на первый план, как это бывает в романтической литературе, выходят психологические характеристики, которые не только обуславливают сам тип героя (путешественники, матросы, художники, маргиналы и т.д.), но и косвенно оказывают влияние на формирование сюжета. Грин, выбирая тип активного романтика, обращается к классическому романтическому конфликту, выявленному Манном, – конфликту отчуждения, который разрешается в уходе к иным берегам, что детерминирует и приключенческую жанровую основу романтических рассказов, которой в диссертации уделено немало внимания.

В развертывании приключенческой темы чрезвычайный интерес к психологизму никуда не исчезает, однако писатель, как утверждает диссертантка, трактует его не в детерминистском аспекте, а в романтическом: психика человека предстает как странный загадочный феномен, что провоцирует появление в текстах Грина элементов литературной фантастики, которая предполагает амбивалентную – реалистическую и мистическую – трактовку событий. Такие рассказы прекрасно вписываются в общий контекст литературы рубежа веков в том числе и европейской. В этом смысле удивляет отсутствие в работе ссылки на книгу Тодорова «Введение в фантастическую литературу», где подобные амбивалентные ситуации, тяготеющие к магическому реализму, подробно рассмотрены.

Общим знаменателем реалистических и романтических рассказов Грина становится их психологизм, который исследуется во второй главе работы.

Романтизм Грина, полагает Чжан Жуй, с одной стороны, смыкается с традицией реалистического изображения человека, а с другой стороны, – обогащается исканиями в области научной психологии.

Психологизм такого рода в рассказах писателя мотивирован романтической моделью мира: интерес к внутренним состояниям героя и попытка максимально точно их описать приводит Грина к научной психологии. И в самом деле – психические заболевания представляют собой экстремальные альтернативные состояния психики, которые интересуют романтика *сами по себе*, как некий вариант пограничного переживания. Чжан Жуй справедливо считает, что использование Грином научного психологического знания не означает его механического переноса в рассказы: психологические концепции органично «вплавляются» в художественный мир рассказов, благодаря его романтическому генезу.

Именно поэтому литературоведческая интерпретация психологизма в диссертации сопрягается и с психологическим ракурсом, который здесь вполне уместен. Диссертантка, опираясь на постулаты Выготского, психологически точно показывает, как у героев Грина внутренний психологический импульс претворяется во внешнее действие. Методологически корректным оказывается и описание онейроидных модусов сознания, сдвинутых относительно нормы. Так в «Рассказе Бирка» романтическое двоемирие предстает сквозь призму психиатрических состояний дереализации и деперсонализации – при этом, как полагает диссертант, Грин описывает эти ментальные переживания с медицинской точностью. Таким образом, анализ внутренних конфликтов, данный в этой главе диссертации, связывается не только с выявлением принципов литературного психологизма, но и с психопоэтикой, предполагающей междисциплинарный подход.

В третьей главе исследования диссертантка переходит к исследованию мира произведения. Материал главы выстраивается вокруг анализа художественного пространства и внешних особенностей персонажа. В работе показано, что для пространства гриновских рассказов фундаментально значимыми оказываются звуковой ландшафт и визуальные образы. Здесь снова отчетливо проявляется установка на психопоэтику: образы пространства классифицируются по их психологической модальности.

Звук в первом параграфе главы предстает и как *объект изображения*, и как *способ изображения*. В первом случае звук включается в мотивно-образные парадигмы (здесь анализируются мотивы музыки, тишины, шума), во втором случае – он оказывается принципом конструкции образа (здесь анализируется художественная ономотопея, которая Грином понимается как моделирование звукового слепка реальности). В главе звуковые эксперименты Грина названы фоностилистическими, нам кажется, что здесь есть еще и сильный фоносематический компонент.

Любопытно, что фоноизобразительность выполняет у Грина и композиционную функцию: она маркирует поворотные точки сюжета, более того, сами сюжетные эпизоды, как показано в диссертации, могут

соотноситься друг с другом по звуковому признаку «благозвучие – неблагозвучие».

Тема исследования звукообразов у Грина нам кажется исключительно перспективной не только в чисто литературоведческом, но и психопоэтическом аспекте, ибо использование звукосемантики в художественном тексте всегда сопряжено с эмоциональным фактором.

Композиция пейзажа в зрительном регистре в ранних рассказах Грина, как и другие феномены художественного мира, связывается, как считает Чжан Жуй, с тяготением автора к реализму и романтизму. Так, в рассказах выделяется натуральный пейзаж с преобладанием описания природы как некоего физического объекта и ментальный пейзаж, который выполняет функцию характеристики внутренней реальности героя. И здесь автор выявляет интересный контрапункт, который, по-видимому, мог появиться только в прозе рубежа веков. Грин не только проецирует состояние человека на состояние природы, но и совершает обратную операцию: уподобляет самого человека природе. Это уподобление приводит к ассоциативным связям между пейзажем и портретом и к наделению природы антропоморфными характеристиками.

Эта логика мифа выводит Грина за пределы классического романтизма и ставит вопрос о художественном методе писателя. Очевидно, что сопряжение романтизма и реализма осуществляется в рамках целостности более высокого порядка. Что же это за целостность? Неоромантизм? Символическая фантастика? Психологический романтизм? Или нечто другое?

Следуя своей психопоэтической установке, диссертантка рассматривает пейзаж через человеческую сенсорику и доказывает, что пейзажные образы у Грина являются разномодальными, что вполне соответствует желанию Грина изобразить сложный полисенсорный образ мира.

В таком же ключе анализируются типы портрета и принципы его создания. Выявляя функции словесного портрета героя, автор работы утверждает, что портрет в рассказах Грина является средством первичной психологизации. Романтико-реалистический код и здесь становится типологизирующим фактором – портреты ранних персонажей Грина тяготеют к обозначенным художественным полюсам. Однако в обоих случаях писатель, как полагает исследовательница, исходит из психологической реальности героя, именно поэтому даже в условно романтических портретах нет абстрактности, а есть четкая психологическая детализированность.

Подводя итоги следует сказать, что работа отличается высокой степенью структурированности и глубиной внешней композиции, что указывает на логически последовательное движение авторской мысли. Тем не менее в отдельных случаях уделяется слишком много внимания самодовлеющим разборам отдельных текстов, комментирование которых может выходить за пределы обозначенной темы.

Однако этот недостаток никоим образом не снижает общей – высокой – оценки работы. Мы полагаем, что диссертация отличается концептуальной целостностью и новизной. Автору действительно удалось показать

реалистический и романтический коды как важные типологизирующие факторы, проявляющиеся в поэтике Грина на разных уровнях, и выявить психологическую составляющую образа мира, развертывающегося в рассказах Грина.

Таким образом, соискатель Чжан Жуй заслуживает присуждения ученой степени кандидата филологических наук по специальности 5.9.1 – «Русская литература и литературы народов Российской Федерации».

Официальный оппонент:

доктор филологических наук,
профессор кафедры истории журналистики и литературы
ОЧУ ВО «Московский университет имени А.С. Грибоедова»
Темиршина Олеся Равильевна

20 февраля 2023 г.

Специальность, по которой официальным оппонентом
защищена диссертация:
10.01.01 – Русская литература

Адрес места работы:

11024, г. Москва, шоссе Энтузиастов, д. 21
ОЧУ ВО «Московский университет им. А.С. Грибоедова», факультет журналистики,
кафедра истории журналистики и литературы,
тел.: +7 (495) 673-73-71, e-mail: [E-mail: impe.griboedova@mail.ru](mailto:impe.griboedova@mail.ru)

Подпись сотрудника кафедры истории журналистики и литературы факультета журналистики Московского университета им. А.С. Грибоедова О.Р. Темиршиной удостоверяю:

Первый проректор Московского университета им. А.С. Грибоедова
Н.А. Автионова